

СЛОВО О ВЛАДИМИРЕ ВИКЕНТЬЕВЕ (по материалам Архива ГМИИ им. А.С.Пушкина).

Статья посвящена жизни и научной деятельности одного из русских египтологов, волею обстоятельств оставшегося за границей.¹

Владимир Михайлович Викентьев родился 6 июля 1882 г. в Костроме.² В юности, окончив в 1901 г. Московское коммерческое училище с «решительно всеми пятерками», как свойственно русским интеллигентам на рубеже эпох, активно и мучительно «искал себя», поступая и учась то в Лесном (два раза — 1903 г.), то в Политехническом (1904–1905 гг.) институтах Петербурга, то в Московский сельскохозяйственный (неудача на экзаменах в 1903 г.).

Первое свидетельство его увлечения древним Египтом относится к 1903 г. «Сочувствую твоему интересу к египетским божествам — они в самом деле поразительны», — пишет ему сестра, Вера Михайловна Викентьева. Она работала в библиотеке Сабашниковых в Москве, и внушительная пачка ее писем брату показывает, сколь велика ее роль в становлении ученого-египтолога. Она посылала ему нужные книги (например, «Коптскую грамматику»), деньги, знакомила с интересными людьми из круга Сабашниковых, и главное, всегда поддерживала словом и делом.³ Из ее письма в Англию от 22 октября 1906 г. мы узнаем, что интересы Викентьева становятся все более определенными: египетские письма — «это самое верное средство лишить себя зрения даже при здоровых глазах (в архиве сохранилась справка о его плохом зрении — *О. Т.*)... Воздерживайся от такой работы, хотя это и лишение для тебя, хотя ты для нея и приехал».

Отец был ближе к реальности и опасался, что его единственный сын обременяет «свою голову изучением многого, что не входит в программу институтских занятий»⁴ (Викентьев имел неосторожность написать ему, что когда другие студенты отдыхают, он ходит в университет на лекции к П. К. Коковцову, не теряя ни минуты, занимается философией и премудростями других ученых до черной магии включительно). Можно понять отцовские чувства, читая следующие строки из его письма сыну: «...в твои чудные молодые годы, ты если не сейчас, то скоро будешь смотреть желтым вонючим пергаментом, и конечно, мне было больно за тебя». Михаил Александрович считал, что важнее изучение новых, а не древних языков. Владимир Михайлович же, проявляя завидную основательность, объяснял свои занятия так: «Я взялся за изучение Египта для того, чтобы понять современную жизнь; я буду изучать Индию, Ассирию, Китай... опять для того, чтобы понять современную жизнь, — я не ухожу от этой жизни, напротив, я иду к ней двумя путями — стараясь проследить ее всю с момента зарождения и схватывая ее непосредственно, чувством. Отсюда мои занятия наукой и искусством».⁵ Понимая сложность избрания жизненного пути, отец советует ему посещать заседания ученых обществ, радуется его увлечению музеями, трогательно описывает свою покупку египетской фески на аукционе в Феодосии.

Накануне рокового для России 1905 г. он старается предостеречь сына от увлечения революционными идеями, которые, похоже вовсе последнего не волновали: «...не на пользу послужил доступ (в институт — *О. Т.*) совершенно свободный... молодежи, особенно умных

¹ Автор выражает глубокую благодарность зав. Отделом древнего Египта ГМИИ имени А. С. Пушкина С. И. Ходжаш, зав. архивом Музея М. Б. Аксененко и всем его сотрудникам. Без их содействия данная работа, доставившая мне столько боли и радости, не могла быть написана. Личное дело В. М. Викентьева хранится в архиве ГМИИ (Ф. 36, оп. I. Так как использованы документы только из этого архива, в ссылках он больше не указывается). Я надеюсь на прощение тех, чью память я потревожила в этой работе; не исключаю, что недостаточность документов могла привести меня к не вполне верным оценкам и выводам.

² Ф. 36, оп. I, д. 5. Примечательно, что в той же Костроме, но несколько позже — в 1889 г. — родилась Тамара Николаевна Бороздина-Козьмина, тоже египтолог, ученица Б. А. Тураева.

³ Ф. 36, оп. I, д. 51–153. При цитировании всех документов сохраняется орфография оригинала.

⁴ Письма отца — Ф. 36, оп. I, д. 154–193.

⁵ Цитируется недатированный черновик письма, явно адресованного отцу: Ф. 36, оп. I, д. 465.

девиц-курсисток, от подстрекательства которых уже не впервые разгорается бор. ...институт для ученья, а не ради политики».⁶ Любящий отец, как и сестра регулярно пишущий В. М., ограничивается увещаниями и оплачивает поиски сыном самого себя: «Бог милостив — дотяну твое образование и без заработка твоего».⁷ Занятия Викентьева на экономическом отделении Политехнического были прерваны событиями 9 января, но в «революцию» он, в отличие от многих молодых интеллигентов, не пошел.

В 1906–1907 гг. на средства отца наш герой отправился в длительное заграничное путешествие: 7 месяцев он изучал древнеегипетские памятники Лувра, год — Британского музея. В 1910 г. по совету прошедшего эту немецкую «школу» Б. А. Тураева, к которому его направил И. В. Цветаев⁸, В. М. Викентьев учился в Берлине у А. Эрмана и Ф. Делича, а в 1913 — в Мюнхене у В. Биссинга. От этого времени сохранились письма к нему двух замечательных русских профессоров, внесших заметный вклад в сокровищницу русской культуры, — И. В. Цветаева и Б. А. Тураева. Оба письма не публиковались.

И. В. Цветаев — В. М. Викентьеву⁹

1 июня 1910

Москва

Милый Викентьев,

Благодарю Вас за любезное письмо Ваше из Берлина и радуюсь, что и профессор Эрман и стихия музея Вам очень понравились. Хорошо Вы сделали, что уехали за границу ранней весной, к началу летнего академического семестра — и пробудьте, под руководством Эрмана, подольше, захватите и осень для отдыха после летних работ.

Я слышал про Эрмана, что это не только ученнейший профессор, но и добрейший человек и опытнейший руководитель студентов египтологии. Б. А. Тураев от него в восторге, впрочем это — сам святой человек и чистое из чистых сердец, так безповоротно к себе привлекающее.

Штудируйте избранную Вами область с возможно глубиной проникновения в тайны иероглифического письма Египта. Вы росли в лучших против Ваших товарищей условиях; европейская дисциплина, европейский культ науки и пример ученого энтузиазма и под-

⁶ В одном из недатированных писем отец пишет сыну, что ему нравятся женщины разумные, так как от глупых он устает, а умные утрачивают женственность. Что же касается народа, то служить ему «не стоит — он гадок» (1902 г. — Ф.36, оп. I, д. 167).

⁷ Далее отец просит сына помнить, что он далеко не располагает свободными средствами и просит быть осмотрительным в тратах. Этим же 1904 годом датируется письмо сестры, где она называет брата «ободрашка», имея в виду его гардероб.

⁸ Сохранилось письмо Викентьева Цветаеву:

Berlin 8.VI 1910

Многоуважаемый Иван Владимирович

Я имматрикулировался в Германском университете и теперь работаю у проф. Эрмана. Мы читаем под его руководством египетские тексты и проходим грамматику коптского языка. Наряду с этим я работаю еще в библиотеке Старого музея, которую так любезно предоставил для занятий проф. Эрман — ежедневно, от 10 до 3-х. Я в восторге от музея: он очень полон и прекрасно систематизирован. Тем что я поехал в Берлин к проф. Эрману, я обязан указаниям милейшего проф. Тураева, который искренно был ласков и внимателен ко мне, зная что послали меня к нему Вы, многоуважаемый Иван Владимирович. Позвольте же Вас за это сердечно поблагодарить и выразить надежду, что по возвращении в Москву, я окажусь Вам полезным при расстановке коллекций Голенищева и при тех работах, которые сопряжены с их хранением и изданием. В заключение, еще раз выражаю свою полную готовность служить Вам по мере сил в Берлине в случае если у Вас имеются тут какие-нибудь музейные дела.

Преданный Вам,
В. Викентьев.

(Ф. 6, оп. I, д. 447).

Ответ И. В. Цветаева см. в тексте статьи.

⁹ Ф. 36, оп. I, д. 422.

вижничества Вам стали известны в ранние годы жизни. Памятуя, что Господь не обидел русского человека дарованиями, работайте усердно и, главное, продолжительно, избегая пуще всего страсти русских к легкому всезнайству, этого стольких из русских молодых людей, подававших прекрасные надежды, загубившего дилетантизма, — и Вы достигнете на научной дороге результатов не меньше своих сверстников из других национальностей. Вы принялись за египтологию в числе крошечной, едва зарождающейся группы русских пионеров этой специальности в России. Пример несравненного знатока этой области, удивляющего своим искусством читать иероглифы и переводить эти тексты на памятниках египетской жизни с Всеобщей первого взгляда, прямо на месте, этот пример русского самоучки, доктора истории Тураева, да будет перед Вами. И желаю Вам достичь того же совершенства.

Буду ждать Вас для нового Музея ко времени размещения коллекций Голенищева.

Жму Вашу руку. Будьте здоровы и счастливы в научной работе. Когда случится какая справка в Берлине, напишу Вам.

Преданный Вам,
И. Цветаев.

Б. А. Тураев – В. М. Викентьеву¹⁰

Германия Берлин
Herrn Vladimir Wikentieff
Postlagerend 28/7
Berlin
12 июня [1910]

Дорогой Владимир Михайлович

Простите, что долго не отвечал Вам, виноваты в этом мои глаза, которыми болею уже более двух недель. Мне было приятно за Вас, хотя и каюсь, немного завидно узнать как Вы устроились в Берлине.

Занятия у Эрмана, переводы — все это превосходно, напишите подробнее, что Вы сделали, делаете и думаете сделать.

Я как академический Антей твердо упершись в университетскую почву свершил необычные подвиги, сдал целых 4 зачета. Теперь нахожусь в деревне, но увы сельская пастораль моя пока ограничивается кашлем, воспалением глаз и насморком. Когда излечусь от всех болезней, буду почитать книжки (достал кое-что Делича, Масперо, Биссинга ... и т.п.), заниматься по-немецки (Э. Мейер) и наконец на вольном воздухе проходить санскрит. По сему поводу у меня к Вам просьба. Вы меня очень обяжете ежели узнаете и запишите все касающееся индийских курсов в Берлине (а также приобретете дешевый словарь санскрита (а также и курс?). Творчество мое пока ограничилось тем, что я зарисовал около десятка портретов моих воображаемых предков, скоро думаю опять начать пачкать бумагу. Как Ваше самочувствие, рисование и вообще все не «академическое». Ежели надумаете писать, то по следующему адресу: Московская губ., Руза, до востребования Б. А. Тураеву.

Всего хорошего. Б. Тураев.

Когда сестра сообщила Викентьеву об устройстве кафедры египтологии при Московском университете, он вернулся на родину и окончил историко-филологический факультет с дипломом I степени за № 9835 от 17 марта 1915 г. (все это время консультировался у Б. А. Тураева). Последней вехой его «университетов» стал курс древневосточных языков в Лазаревском Институте (1918 г.), необходимый ему для разбора восточных коллекций Исторического музея — его первого места работы.¹¹ Но сначала отметим еще один талант этого многостороннего человека.

В. М. Викентьев был богато одарен в художественном отношении. Он профессионально рисовал. Его работы на «Выставке 7», устроенной в 1915 г. в Москве, считались луч-

¹⁰ Ф.36, оп. I, д. 395.

¹¹ Ф. 36, оп. I, д. 6.

шими.¹² Безусловно, для желающего овладеть иероглифическим письмом египтолога это — ценнейшее качество. Кроме того, Викентьев легко и изящно писал. Занятия поэзией в юности, организация литературного журнала в Политехническом институте не были случайны: именно древнеегипетская литература стала центральной темой в его научной работе, а в Египте он опубликует на французском языке роман «Хроника одной жизни», повести и новеллы.¹³

За границей наш молодой человек увлекся идеями известного оккультиста Рудольфа Штайнера (1861–1925), посещал его лекции и даже мистерии, что предполагает определенный уровень посвящения.¹⁴ Лекции Штайнера были весьма необычны как по содержанию, так и по форме. Не исключено, что на последней сказывалось влияние супруги доктора — прирожденной актрисы Марии фон Сиверс. Все это объясняет органичное включение Викентьева в состав учредителей Дворца искусств и его своеобразную деятельность в МИКВ (см. ниже). Кстати, жена Владимира Михайловича, художница Мария Ивановна Сизова, тоже была весьма романтична.¹⁵

Яркая, искренняя натура Р. Штайнера, его гуманизм, убежденность в духовности мира и многосторонние глубокие знания произвели сильнейшее впечатление на Викентьева. Владевшему им интересу к истокам культуры отвечали мысли Штайнера о сохранении человеческого разумом воспоминаний о предыдущих жизнях и иных эпохах. Воображение уже зараженного «бациллой египтомании» Владимира Михайловича волновали упоминания доктором таинственной Изумрудной скрижали Гермеса Трисмегиста, священного текста в Обществе розенкрейцеров, активным членом которого состоял Штайнер. Уже в 1902 г. он возглавил Германское отделение Теософского общества, под «флагом» которого изданы его основные труды. Однако учение Штайнера мало зависело от теософской традиции, поэтому раскол с Обществом был неминуем, что болью отозвалось в сердцах его русских почитателей.

Переписка свидетельствует, что с 1910 по 1915 г. В. М. Викентьев принимал деятельное участие в основании и работе Русского Антропософического общества и издании журнала «Вестник теософии».¹⁶ В 1915 г. после долгих мучительных раздумий он покинул

¹² Ф. 36, оп. I, д. 485–486. Кроме самого Викентьева и его жены, Марии Ивановны Сизовой, работы которых вызвали наибольший интерес публики, в выставке участвовали Сидоров, Квятковский, Лукин, Ларионов.

¹³ La Revue du Caïre, номера за октябрь 1947 – январь 1948 и ноябрь – март 1949.

¹⁴ В конце мая 1906 г. Викентьев получил известие от М.В.Волошиной: «Штейнер сегодня начал курс своих лекций и приглашает русских, интересующихся оккультизмом; я подумала о Вас... Думаю, что Штейнер Вам может дать очень много» — д. 346. См. так же: Ф. 36, оп. I, д. 291–292, 295, 325, 339, 350, 358–9. О Р. Штайнере см., например, Э. Вандерхилл. Мистики XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 270.

¹⁵ Архивные материалы не дают нам точных данных, но из личной переписки известно, что в начале 1912 г. Викентьев был за границей с женой (д. 271), причем его тесть, Иван Ильич Сизов, тоже художник, материально поддерживал молодую семью. Сохранилась пачка писем жены с трогательным изображением сидящего к нам спиной зайчика вместо подписи (д. 240–270). В Москве супруги жили в квартире Сизовых: дом 6 по Большому Спасскому переулку у церкви Спаса на Песках, что за Каретным рядом — т.е. совсем близко от Музея. В двух маленьких комнатках квартиры 28 с 15 по 19 февраля 1915 г. была устроена «Выставка 7», которую посетили многие сотрудники Музея (в частности А. В. Назаревский, Т. Н. Бороздина). К сожалению, в послереволюционные годы следы М. И. Сизовой-Викентьевой теряются, ее имя исчезает из переписки, а собираясь вернуться в Москву из Египта, Владимир Михайлович просит предоставить ему квартиру при Музее (д. 6, л. 1). Из Каира Викентьев писал в Россию Елене Александровне Петровской, прося ее приехать. Эти замечательные по ее отзывам письма она, будучи замужем, хранила у брата, который был репрессирован. Петровская умерла летом 1996 г. в Москве в возрасте 100 лет (с благодарностью воспроизвожу личное сообщение М. К. Трофимовой, знавшей Е. А. Петровскую).

¹⁶ Ф. 36, оп. I, д. 12–17, 425, 445, 452, 462, 463, 482. Сохранились интересные документы: билет В. Викентьева в Теософское общество Берлина от 15 ноября 1910 г. за подписью самого Штайнера; черновики писем к «*Noch gelehrter Lehrer und Führer*» с просьбами об установлении более тесной «эзотерической» связи и советах; рукопись «Конституции русского Антропософического общества»; недатированное письмо Л.Эллиса, превозносящего учение как последнюю надежду русской интеллигенции. В январе 1912 г. в Москве возник кружок для изучения розенкрейцеровской философии — поразительно, но даже 1-я мировая война не положила конец его деятельности.

Совет Общества, будучи недоволен отсутствием в нем «соборности».¹⁷ Одним из научных результатов увлечения Викентьева учением Р. Штайнера стала публикация им собрания ма-сонских предметов Российского Исторического музея (Москва, Синодальная типография, 1918).

1915 г. стал важной вехой в судьбе В. М. Викентьева: он получил место помощника хранителя в Историческом музее имени императора Александра III (восточные коллекции).¹⁸ К сожалению, Архив ГМИИ не дает сведений, кто из профессоров дал ему необходимые рекомендации.

Исторический музей стал первым и фактически последним местом работы Викентьева в России. Познакомившись с коллекциями, он активно занимается вопросами их хранения и пополнения. Как свидетельствует переписка с М. В. Никольским, В. М. заботился о надлежащем помещении клинописных памятников в музее, а в конце 1915 г. всерьез планирует экспедицию при штабе Кавказской армии по изучению и спасению древностей.¹⁹ Молодого ученого волновала судьба гибнущих в огне военных действий памятников Армении и Персии, а на его родине уже тлели искры революционного пожара... Несмотря на пессимистическую реакцию Никольского, Викентьев пытается что-то делать с помощью Б. А. Тураева. Вероятно, будучи не раз не услышан высокими инстанциями, он решает изменить тактику и разрабатывает идею о необходимости создания научного общества. Обращаясь к М. В. Сабашникову за поддержкой, он пишет: «В России есть отдельные крупные ученые, но нет сплоченных и жизненных научных ассоциаций».²⁰

В эти бурные для страны годы Викентьев разворачивает активную работу, организуя различные научные общества. Это не было простым делом: мир ученых, как всегда, был далек от состояния мирного сосуществования.

Например, рассуждая о сложностях кавказской экспедиции «на театре войны», М. В. Никольский пишет: «Я уверен, что Археологический Музей в этом деле окажется солидарным с Археологическим Обществом ... , иначе и у нас выйдут неурядицы и столкновения вроде того, что кажется уже происходило между Москвою и Петроградом на этой почве. Действовать вразброд и узурпировать монополии, это — к сожалению, плохая и не ведущая к добру повадка командующей петроградской науки (особенно в лице Н. Я. Марра)».²¹

Процитируем несколько строк из черновика письма Викентьева к Мстиславу Алексеевичу Харузину в Петербург:

«[...] А. А. Флоренский²², приехавший в месячный отпуск в Москву [из действующей армии — О. Т.]. Я Вам говорил о нем и о своем предложении, что он может оказаться и по личным качествам и по своим знаниям полезным членом нашего общества изучения древних культур, которое изучая древности, в то же время не порывало бы связи с временем жизни и

¹⁷ Ф. 36, оп. I, д. 292.

¹⁸ 17 июня 1914 г. мать написала ему в Ялту о вакантном месте в музее, на которое, вероятно, претендуют много кандидатов. Ф. 36, оп. I, д. 281. Сохранилось заявление Викентьева на Высочайшее имя с просьбой о принятии его в Исторический музей (Ф. 36, оп. I, д. 3, л. 1) и письмо о его назначении от 16 февраля 1915 г. (Ф. 36, оп. I, д. 455).

¹⁹ Ф. 36, оп. I, д. 329.

²⁰ Ф. 4, оп. I, д. 101, л. 4–9.

²¹ Ф. 36, оп. I, д. 329.

²² Брат отца Павла Флоренского, очень интересовавшийся восточными культурами. Уйдя добровольцем в армию, он посвящал свое свободное время местным древностям. По инициативе Викентьева, на одном из собраний Восточной комиссии А. А. Флоренский сделал сообщение о состоянии археологических памятников в Армении (где геройски проявил себя, спасая женщин и детей от резни). В Архиве ГМИИ сохранилась копия письма В. М. председателю Московского археологического общества графине П. С. Уваровой в защиту незаслуженно оскорбленного ею Флоренского (Ф.4, оп. I, д. 36: датировано 20 февраля 1917 г.). Любопытно мнение А. А. об отце Павле: «Я очень рад, что Вы познакомились с моим братом, так как верно поймете друг друга. Только жалко, что отдаете работу свою «Богословскому вестнику». Мой братец странный человек — он все что ему нравится подводит под рубрику богословия. А мне многое из того что он делает кажется игрой в архаизм, убегаем от «Социал-демократа»» (25 апреля 1917 г. из действующей армии — Ф. 36, оп. I, д. 415).

русской культурой, вообще будучи строго научным. [...] Желательно привлечь Шилейко, для усиления египетской группы пригласить Струве и Волкова».²³

Сохранился и ответ Харузина от 4 декабря 1916 г.:

«Несмотря на некоторые неблагоприятные явления в Музее [имеется в виду Эрмитаж, где занимался автор письма? — *О. Т.*], наш кружок не распадается, а наоборот, благодаря вашим трудам расширяет свою деятельность. Не могу не приветствовать участие в нем А. А. Флоренского, без сомнения, оказавшегося ценным сотрудником нашего пока еще так называемого «общества». Мои симпатии к Владимиру Казимировичу Шилейко Вам, конечно, известны [...] Волкова я совсем не знаю, что касается Струве, то не совсем уверен может ли он сочувствовать идее общества идущего в курсе современной русской культурной и общественной жизни, т. е. борьбы с немецким влиянием в нашей науке? [...]»²⁴

4 июня 1917 г. в Москве на квартире Викентьева в доме у храма Христа Спасителя состоялось первое собрание Кружка по изучению древних культур²⁵, где он сделал 2 сообщения («Сказка об обреченном царевиче» и «Литургия Амону-Ра»). За № 11 в списке присутствовавших — Б. Тураев». Второе собрание состоялось 14 февраля 1918 г.²⁶ Из египтологов оба раза приходила Т. Н. Бороздина. В организации этого Кружка, позднее одноименного Общества, В. М. Викентьев играл роль «первой скрипки». Под Уставом общества, датированным 19 июля 1918 г. его подпись стоит первой в списке членов-учредителей.²⁷ Потихоньку двигается карьера Викентьева: в 1918–1920 гг. он именуется в документах Исторического музея «зав. Отделением религиозных древностей» (и «по сему является ответственным работником»)²⁸

Особой заботой Общества по изучению древних культур было создание Библиотеки, куда жертвовали свои книги и средства Б. А. Тураев, Викентьевы, А. А. Флоренский, Сабашниковы и другие.²⁹ На экстренном заседании 7 июня 1920 г., где первое сообщение посвящается памяти приват-доцента Петроградского университета И. М. Волкова, Б. А. Тураев избирается председателем Общества (заочно, в случае его согласия), а В. М. Викентьев — его товарищем. Членами Ревизионной комиссии стали Н. С. Щербатов, В. К. Мальмберг и Т. Н. Бороздина. Среди почетных членов Общества были: В. В. Бартольд, П. Лихачев, Н. Я. Марр, С. А. Жебелев, Ф. Ф. Зелинский, М. И. Ростовцев, С. Ф. Ольденбург, Б. В. Фармаковский; а среди действительных: В. Н. Лазарев, А. В. Живаго, А. А. Захаров, В. И. Авдиев, Г. Я. Кобранов.³⁰

На смену Обществу по изучению древних культур в 1920 г. приходит Историко-Археологическое отделение Дворца искусств.³¹ На первом заседании Отделения, 1 августа 1920 г., Викентьева не было из-за болезни (его доклад по оккультизму пришлось снять). За-

²³ Ф. 36, оп. I, д. 466.

²⁴ Ф. 36, оп. I, д. 421.

²⁵ Ф. 4, оп. I, д. 96, л. 5. Любопытно, что входная плата (вероятно, для любителей) составляла 1 рубль «в пользу Библиотеки Кружка». Примечательны финансовые документы Кружка: его средства составляли кроме входной платы пожертвования устроителей «Выставки 7», библиотечные взносы, выручка от продажи 4 экз. книги И. Волкова «Бог Себек» и пожертвованной А. Флоренским персидской миниатюры. Деньги шли прежде всего на приобретение книг: благодаря Тураеву были куплены со скидкой в 60% «Записки Императорского Археологического Общества», в 1918 г. — 4 ящика у Е. Э. Лемм. Сабашниковы подарили 13 книг будущему Обществу еще в 1916 г. (Ф. 4, оп. I, д. 102–103). Подпись Валерия Брюсова стоит под уведомлением от 6 августа 1918 г. о выделении 5000 руб. на книги для Общества (поэт тогда заведовал Библиотечным Отделом Наркомпроса). (Ф. 4, оп. I, д. 100, л. 3).

²⁶ Входная плата поднялась до 6 рублей.

²⁷ Ф. 4, оп. I, д. 94–95.

²⁸ Ф. 36, оп. I, д. 4, л. 3–6.

²⁹ Ф. 4, оп. I, д. 105, л. 12. См. сноску 26.

³⁰ Ф. 4, оп. I, д. 96, л. 14; д. 97, л. 3.

³¹ Ф. 4, оп. I, д. 91, л. 4–6, 8, 10–12; д. 92, л. 4–5, 10–11.

ведущим избрали Андрея Белого (он был давно знаком нашему герою³²), его помощниками — В. В. Эйснера и В. М. Викентьева. Протокол зафиксировал присутствие Калинина. Отделение планировало чтение лекций по памятникам литературы, диспуты на естественно-научные темы, устройство выставок. Лекции по истории древних культур, сопровождаемые соответствовавшими музыкальными выступлениями (например, из «Аиды»), должны были проходить в театре «Эон». Дух Рудольфа Штайнера витал над Дворцом искусств — не случайно на заседание 14 августа был приглашен В. С. Немирович-Данченко. В Историко-культурное Отделение входили те же люди, что и в Общество по изучению древних культур. Судя по планам, они еще верили в светлое будущее...

23 июля 1920 г. в Петербурге умер Борис Александрович Тураев. Это была невосполнимая потеря для русской науки. Дело не только в том, что не стало одного из крупнейших ученых в области древней истории и культуры. Не стало человека с «золотым сердцем», доброго и удивительно чистого. Думаю, что сам факт его существования служил маяком и сдерживал многих, соблазняющихся предоставляемым временем возможностями «половить рыбку в мутной воде». Согласно анкете Викентьева, он занимался в семинарии у Тураева два года. Известно, что лекции последнего часто проходили прямо в египетском зале Музея изящных искусств — такой курс музееведения наверняка пригодился будущему хранителю. Именно по совету Тураева В. М. поехал изучать египтологию в Германию. И — судя по переписке — постоянно консультировался с Борисом Александровичем по поводу своих научных планов, переводов и т. д.³³

Очень значительной была помощь Тураева при первой научной публикации Викентьева — переводе с комментариями древнеегипетской сказки о двух братьях: он проработал всю корректуру, сделав ряд важных исправлений, порекомендовал куда разместить иллюстрации, какие подписи под ними сделать. Трогательна его открытка от 13 ноября 1916 г.³⁴:

Дорогой Владимир Михайлович!

Просматривая «Двух братьев» с ужасом увидел в оглавлении рис. 53 «Осирис на погребальной молитве» вместо «на погребальном ложе». И угораздило же на такую штуку! Т. к. экземпляры переплетаются постепенно, то может быть перепечатаем последнюю страницу — ведь скандал!

Всего хорошего,
Ваш Б. Тураев .

Как уже упоминалось, Борис Александрович принимал участие в работе Общества по изучению древних культур, способствовал пополнению его библиотеки. Викентьев иногда помогал Тураеву покупать билеты из Москвы в Петербург — профессор Санкт-Петербургского Университета преподавал в Москве на Высших Женских Курсах и являлся хранителем коллекции В. С. Голенищева. Представляю, сколь утомительны были для уже пожилого человека эти постоянные поездки! И вот его не стало — закончился первый этап истории русской египтологии, этап Б. А. Тураева.

Викентьев, один из его учеников, продолжал работать. Главным результатом его организационной деятельности в России стало создание Музея-Института Классического Востока в конце 1918 г. в помещении Исторического Музея. Это было непросто, но в то время организовывалось и переорганизовывалось много музеев, и что немаловажно, к Викентьеву явно благоволили в Отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса (первый документ о создании Комиссии по организации МИКВ датируется 26 ав-

³² В письмах Б. Бугаев обращается к Викентьеву «Дорогой и глубокоуважаемый» и подчеркивает, что «очень очень хочется Вас видеть» (Ф. 36, оп. I, д. 474–478).

³³ Ф. 36, оп. I, д. 5, л. 5, д. 395–408.

³⁴ Ф. 36, оп. I, д. 405.

густа 1918, а 27 мая 1919 Викентьева назначили его заведующим).³⁵ Нижеследующий документ, написанный В. М. Викентьевым, достоин опубликования полностью: устарели некоторые транскрипции древневосточных имен и названий, но основные идеи звучат вполне современно.

Въ Музейную Секцию при Народном Комитете Просвещения
ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА КЪ ПРОЭКТУ ОСНОВАНІЯ
КОМИССИИ ПО УСТРОЙСТВУ МУЗЕЯ-ИНСТИТУТА
КЛАССИЧЕСКОГО ВОСТОКА.

Русскому самосознанию ближе Восток, чем Запад, и по существу, и исторически. Но до сих пор Восток воспринимается нами почти исключительно сквозь призму чувства и в виде мусульманского средневековья. Восходя несколькими своими истоками через Византию и Библию к древнейшим цивилизациям Сенаара и Нила, мы тем не менее способны все еще с удивлением вопрошать: «Что нам Египет?» и «Что нам Вавилон?» Почему так? Вспомним, сколько времени приходилось целой армии преподавателей греческого и латинского языка вколачивать в головы наших отцов «Гнев Ахиллеса» и «Egegi monument», чтобы мы осознали красоты эллинского и латинского гения! Но времена все же меняются. Люди делаются более чуткими, и зовы древности становятся для них все внятнее. Наряду с теми, кто не желает идти далее Гомера, появляются пылкие и в то же время вдумчивые энтузиасты, пораженные величием древнейших культур, перед которыми благоговели и сами богоподобные эллины во главе с Платоном.

Внешне это сказывается в том, что собрания по классическому Востоку начинают у нас изучаться, что научные пилигримы, насчитываемые хотя бы единицами, но все же начинают отправляться, пока позволяют внешние условия, к культурным очагам за границу, и т. п. При каких условиях происходила подобная работа, это, правда, еще никого не интересует. Русским востоковедам в лучшем случае не мешают выбиваться из сил в борьбе за нищенское существование и заболеть туберкулезом. Я говорю — в лучшем случае, ибо приходится отмечать в этом направлении и сознательное противодействие. Я напому хотя бы непреодолимую помеху пионеру русской ассириологии, М.В.Никольскому, в его желании вести занятия по изучению древнейших языков в Московском Университете, позорный отказ от покупки исключительной по своему значению шумерийской коллекции Блау, отказ от предложения французского правительства обследовать северную Персию одновременно с обследованием южной ее половины экспедицией де Моргана, которому, как известно, удалось, наряду с целым рядом важнейших открытий, найти знаменитую юридическую стелу современника Авраама, вавилонского царя Хаммураби, библейского Амрафела, и т. д. Следует заметить, что это случаи далеко не единственные в своем роде.

Следствием пассивности и отчасти враждебности явилось то, что собрания по древнему Востоку, завезенные в Россию несколькими чудаками-меценатами и затем пожертвованные ими в государственные хранилища, в дальнейшем не пополнялись и, кое-как обогащая знания отдельных ученых и любителей, не вели к насаждению и развитию у нас настоящей строго методологической науки классического востоковедения. И в то время как на Западе — не только в Германии, Франции и Англии, но и в Италии, Швеции и маленькой Дании — мы находим строго планомерную работу в области библейской археологии в широком смысле слова — в России мы можем назвать в данной сфере два-три имени и... никакой школы!

Задача дальнейшей работы в этом направлении сводится к созданию в России именно школы классического востоковедения. Для этого необходимо, с одной стороны, оборудование строго научного музея классического Востока, с другой — института для специального изучения древнейших языков — египетского, шумерийского, вавилоно-ассирийского и т. п., и культур соответствующих стран. Почин в деле основания Музея-института Классического Востока выпадает на долю Москвы, сохранившей для русской науки

³⁵ Ф. 4, оп. I, д. 1, л. 1–3, 13.

ценное собрание Голенищева (ныне хранящееся в Музее Изящных Искусств). И эта задача облегчена волею судеб приездом в Москву на долгое время двух выдающихся специалистов по древнему Востоку, из которых один находится к тому же в числе членов Музейной Коллегии. Я надеюсь, что Петроград со своей стороны также организует у себя систематическую постановку классического востоковедения, ибо я далек от мысли о необходимости монополизировать это дело в одном городе, будь то Москве или Петрограде. Надо учитывать жизненные условия, приковывающие ученых к одному или другому центру и не обескровливать последних сосредоточением науки в одном городе. Напротив, мне хотелось бы надеяться, что пример Москвы и Петрограда в дальнейшем подвинет в том же направлении Киев, Харьков и другие крупные средоточия просвещения в стране.

В. Викентьев

Москва, 30 августа 1918 г.³⁶

Институт должен был стать учебным и научно-просветительским центром изучения восточных древностей, «исследовательской лабораторией и музеем нового типа, где предметы не воспринимаются пассивно, а где на них подлинно и систематически учатся».³⁷ Поражает размах: в круг изучения Викентьев включает кроме Переднего Востока Крит и Микены, Кавказ, Юг России, Индию, Китай, Древнюю Америку и Океанию! По мысли его создателя, МИКВ должен был покоиться на 4 «устоях»: наряду с наукой, древний Восток рассматривается в нем под углом зрения искусства, истории религии и философии.³⁸

Важной задачей было создание библиотеки МИКВ: книги поступали из упраздненных собраний, приобретались на государственные средства и к 1921 г. их насчитывалось свыше 800 названий. Это число удваивалось, т. к. в Историческом Музее хранилась библиотека Общества изучения древних культур.³⁹ Викентьев пополнил это собрание, обратившись во многие заграничные востоковедные центры.⁴⁰

Заведующий МИКВ предполагал штат из 5 сотрудников, причем все были научными по совместительству: за собой он оставлял руководство, классические языки и древний Египет; В. И. Авдиев занимался библиотекой и Классическим Востоком; Е. Я. Кобранов — семитские языки; Е. Н. Краснушкина — делопроизводитель и древний Египет; С. И. Смирнов — древний Египет.⁴¹ К сожалению, в этом составе Институт почти не работал: страшное время вносило свои коррективы. 11 марта 1921 г. Викентьев обращается в Главмузей Наркомпроса с просьбой об «ускоренном освобождении» Евгения Яковлевича Кобранова, арестованного по распоряжению ВЧК.⁴² Чем закончилась эта история, мне, к сожалению, неизвестно. Кобранов в документах МИКВ больше не упоминается... Очень скоро — 3 июля 1922 г. — постановлением Наркомпроса штат был сокращен до 1 заведующего, а 1 ноября 1922 г. увеличен на его заместителя.⁴³

В 1921 г. над Институтом нависла угроза в связи с идеей объединения всех древневосточных коллекций, но Викентьев энергично защитил свое детище, направив в Главнауку следующий документ:

МУЗЕЙ КЛАССИЧЕСКОГО ВОСТОКА

В связи с предложениями относительно объединения всех московских древневосточных собраний и помещения их в одном здании с новопроектированным Музеем Западного Искусства, позволю себе высказать следующие соображения:

³⁶ Ф. 4, оп. I, д. 2, л. 1–2.

³⁷ Ф. 4, оп. I, д. 3, л. 12.

³⁸ Ф. 4, оп. I, д. 3, л. 9.

³⁹ Ф. 4, оп. I, д. 3, л. 10.

⁴⁰ Ф. 4, оп. I, д. 3, л. 10, д. 48–53, 65.

⁴¹ Ф. 4, оп. I, д. 4.

⁴² Ф. 4, оп. I, д. 89, л. 4.

⁴³ Ф. 4, оп. I, д. 4, л. 1, 7–9.

1. Все эти собрания носят в первую очередь историко-культурный характер, со значительным привходящим элементом эпиграфики (папирусы, надписи на камнях, дереве, клинописные таблечки и проч.). Второе место занимают памятники религиозного культа (большое количество статуэток богов, амулетов и проч.). Наконец, третье место занимают памятники художественные. Составители коллекций задавались, очевидно, целью представить общий быт народов, их обряды, язык и письменность, и, между прочим, искусство, в значительной части прикладное. Поэтому среди вещей находится немало таких, которые или совершенно безразличны в художественном отношении или же носят определенно антихудожественный характер (погребения, ряд саркофагов, мумии животных и проч.). Суммируя вкратце: коллекции могут быть объединены в историко-культурное музейное целое, но не в художественное.

2. Из сказанного следует, что это музейное целое не может быть органически связано с каким бы то ни было музеем искусства, и тем менее с Музеем Западного Искусства. В последнем случае получилась бы тройкая неувязка — по существу коллекций, по роду их и по методу их экспозиции.

3. Наиболее целесообразным мне представлялось бы, чтобы эти коллекции представили бы собою расширенный состав уже существующего МУЗЕЯ КЛАССИЧЕСКОГО ВОСТОКА, в рамки которого они вполне укладываются.

4. Однако, ввиду того, что помещение и часть служительского персонала у Музея Классического Востока и Музея Западного Искусства, окажутся общими, в случае их помещения их в одном здании, я считал бы полезным объединить их хозяйственную и хозяйственно-административную части, с пропорциональным представительством от каждого музея.

5. Ввиду указанных принципиальных различий между обоими музеями, следует сохранить научную и научно-административную часть Музея Классического Востока, и в его предполагаемом расширенном виде, вполне автономной, с особым заведующим Музеем, особой научно-административной частью (то и другое непосредственно подведомственными Главмузею) и самостоятельной сметой.

6. Только при этих условиях представляется мне возможным дальнейшее развитие Музея Классического Востока по тем четырем линиям, которые мыслились при его основании - по линии историко-культурной и общественно-социальной НАУКИ, чистого и прикладного искусства и сравнительного изучения древневосточных религий и философии.

7. Но самостоятельность обязывает. Объединяя все древневосточные коллекции в виде МУЗЕЯ Классического Востока, следует помнить, что дальнейшее развитие этого музея, задуманного как живой организм, как МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ, немислимо без пополнения его коллекций, библиотеки и без исследовательских экспедиций. Тому и другому делу следует оказывать всемерное содействие. В ближайшую же очередь следует предоставить Музею командировку на Запад для ознакомления с тем, что сделано по классическому востоковедению за годы войны и революции.

8. В связи с последней важнейшую проблему в истории культуры составляет обще-социальная проблема древнего Востока, который видел образование первой в истории централизованной власти, в виде ряда мировых монархий, и первые вспышки революции (социальный переворот в Египте, борьба с магами в древней Персии и т. д.). К изучению этих вопросов теперь впервые приступлено на Западе.

Заведующий Музеем Классического Востока

В. М. Викентьев.

15-го апреля 1921 года.⁴⁴

В Отчете МИКВ за 1921 г. говорится о 3 группах слушателей курсов древнеегипетского и 1 — древнееврейского языков; о составлении иероглифического каталога с подробным лингвистическим комментарием (712 карточек, частично в цвете), начале работы по переводу Книги мертвых по факсимильному изданию папируса Ани, украшавшему стены.

⁴⁴ Ф. 4, оп. I, д. 75.

«Для изыскания способов наиболее рельефного и живого воссоздания перед аудиторией в 150–200 человек, сконструирована пробная камера для перспективных реконструкций памятников искусства и быта древнего Востока⁴⁵. Особенно любопытен документ о рентгене мумий людей и животных, произведенном Э. В. Лютером из 1-й Градской больницы (врач дал заключение о перенесенных при жизни болезнях). Для заполнения «зияющего пробела в ориенталистической литературе», Викентьев затевает обширную переписку с зарубежными востоковедными центрами. Ему удалось получить издания Калькутского Университета, обещали прислать книги и журналы музей Метрополитен, Парижский университет, Лувр, Египетский музей в Каире.⁴⁶

В Отчете за 1922 г. говорится о лекциях Викентьева, Авдиева, Краснушкиной (в 1921 г. их было 5), а в серии «Творческое воспроизведение духовной культуры» была поставлена «оригинальная драма» В. М. «Владыка ужаса» из эпохи создания великого Сфинкса (это первая часть драматической трилогии «Восходящее Солнце», охватывавшей всю историю Египта: 2-я часть называлась «Лабиринт», 3-я — «Сыны Солнца» (Великий Тутмес, Аменхотеп великолепный, безумный Эхнатон), эпилог — «Голубой камень»⁴⁷).

Обретя помещение и сотрудников, Викентьев разворачивает борьбу за памятники, борьбу, в которой, похоже, он был не всегда справедлив. Например, когда в 1921 г. встал вопрос о помещении в Музей Изыщных Искусств египетского собрания Румянцевского музея, он решительно запротестовал и получил 859 предметов для своего Института.⁴⁸ В 1919 г. в МИКВ поступили древнеегипетские и коптские памятники из Музея при Строгановском училище; затем на государственные средства были приобретены частные коллекции: вавилонские клинописные таблички Н. П. Лихачева, критские древности г-жи Месмеджан, эллинистические и греко-римские монеты В. В. Розанова, найденные на юге России египто-эллинистические ожерелья.⁴⁹ Проводилась определенная работа по хранению памятников: например, экспертиза расписных саркофагов и картонажей. В октябре–ноябре 1922 г. собрание МИКВ пополнилось еще на 140 египетских предметов из Музея Новой Западной Живописи (бывшей Щукинской Галереи).⁵⁰ Всего в МИКВ насчитывалось свыше 4000 единиц хранения! Окрыленный удачей и благоволением к нему в Наркомпросе, Викентьев 25 октября 1922 г. заявляет Заведующему Главнаукой:

«В виду того, что Музей Изыщных Искусств в течение 4 лет не отапливался и была совершенно повреждена система снеготаялок, находящаяся на крыше, здание окончательно просырело и каждую весну регулярно затапливается водой. Эти весенние воды и постоянно сырой воздух в помещении сказались чрезвычайно губительно на знаменитой Голенищевской коллекции египетских древностей. Мумии покрываются плесенью, саркофаги просырели, ткани и папирусы, между которыми некоторые пользуются мировой известностью, истлевают, совершенно исключительное по своей художественной и научной ценности собрание египто-эллинистических портретов доведено до ужасающего состояния разрушения. Такова же судьба и других предметов.

Все вышесказанное обуславливает категорическую необходимость безотлагательного перенесения собрания в другое, более оборудованное и отапливаемое помещение. Таковым является Музей-Институт Классического Востока, который в течение тех же самых 4 лет, когда предметы Голенищевской коллекции, были совершенно недоступны для обозрения, сохранял аналогичное собрание египетских древностей в целостности и невредимости и все время предоставлял их для обозрения публики».⁵¹

⁴⁵ Ф. 4, оп. I, д. 3, л. 10.

⁴⁶ Ф. 4, оп. I, д. 3, л. 10.

⁴⁷ Ф. 4, оп. I, д. 11–12, д. 82, л. 2.

⁴⁸ Ф. 4, оп. I, д. 70, л. 5.

⁴⁹ Ф. 4, оп. I, д. 3, л. 9.

⁵⁰ Ф. 4, оп. I, д. 1, л. 4–5; д. 71.

⁵¹ Ф. 4, оп. I, д. 75, л. 3.

Безусловно, это заявление полно преувеличений: оставшись в революционные годы без всякой заботы, стеклянная крыша Музея Изыщных Искусств потекла, но согласно акту музейного архитектора от 25 ноября 1925 г. вещи не нуждались в переносе.⁵² Особенно неприятно следующее: хранение памятников в МИКВ было также очень далеко от удовлетворительного, а само помещение позволяло допуск к вещам только узкому кругу специалистов, поэтому для публики он был закрыт. Об этом совершенно ясно свидетельствуют не только акты 1924 г. о передаче древностей в ГМИИ, но и документы самого МИКВ.⁵³ В ноябре 1922 В. М. Викентьев отправляется в годовую командировку за границу, а начатую им борьбу за памятники продолжает В. И. Авдиев, посылая очередное заявление в Главнауку 28 декабря 1922 г.⁵⁴ Слава богу, к этим заявлениям не прислушались.

Активная организаторская деятельность В. М. Викентьева, причем всегда в роли одного из учредителей, поглощала массу времени, но ему удавалось еще и писать научные работы. Его первая монография — перевод древнеегипетской сказки о двух братьях с комментарием — вышла еще при деятельном участии Б. А. Тураева⁵⁵ и стала «программной»: в течение всей жизни Викентьев возвращался к этой теме.

Ощущая, что наступает эра актуальности совсем других тем, Викентьев, подобно В. В. Струве, пишет статью «Революция в древнем Египте» для первого номера журнала «Новый Восток». Этой революции, «наметившей все основные линии современного социального переворота», Викентьев посвятил одну из своих публичных лекций в МИКВ. В списке присутствовавших на ней в воскресенье 12 февраля 1922 г. находим имена известных в дальнейшем ученых (В. И. Авдиев, Б. Р. Виппер, Д. Г. Редер, Р. И. Рубинштейн, И. Г. Франк-Каменецкий). Однако, подобная тема не могла глубоко заинтересовать нашего героя: «основной и оригинальной проблемой Музея-Института» он считает разработку «вопроса о сущности природы древней мысли, как отвлеченной, так и образной (художественной)».⁵⁶

Не все из научных трудов увидели свет: в 1917 г. Викентьев попытался с помощью отца Павла Флоренского издать древнеегипетский словарь в типографии Сергиева Посада:

П. Флоренский — В. М. Викентьеву⁵⁷
5. VI. 1917

Дорогой и многоуважаемый Владимир Михайлович.

Очень жалею, что не смог попасть на Ваше заседание. [...] Нахожусь в смущении с Вашим словарем. Наборные дела столь скверны сейчас, что даже простой русский текст набрать затруднительно, а Ваш я не смею и показать в типографии, тем более, что у нас сейчас стачки рабочих и положение очень напряженное. Вид словаря со многими разными [...] знаками может привести в неистовство товарищей, которые не суть товарищи ни мне, ни Вам, ни тем более египетской грамоте.

Прошу принять прилагаемые при сем мои две брошюры только что вышедшие: не обезсудьте их скучностью.

Приветствую Вас [...] и «студентов».

Викентьев писал рецензии для разных изданий (например, в 1916 г. на работу Масперо)⁵⁸. Из заграничной командировки он посылал заметки о находках в гробнице Тутанха-

⁵² Ф. 5, оп. I, д. 397, л. 9. Примечательно, что крыша страшно протекла и в годы перестройки.

⁵³ Ф. 4, оп. I, д. 3, л. 14; д. 75, л. 12.

⁵⁴ Ф. 4, оп. I, д. 70, л. 4.

⁵⁵ Ф. 36, оп. I, д. 401–403, 405.

⁵⁶ Ф. 4, оп. I, д. 82, л. 1–2.

⁵⁷ Ф. 36, оп. I, д. 417.

⁵⁸ Ф. 36, оп. I, д. 456.

мона, о раскопках в Библие, в Центральной и Южной Америке (они были приняты к печати в журнале «Новый Восток», 1923, №№ 3, 5).⁵⁹

В начале научной деятельности, в 1912 г., его увлекала идея перевода египтологических трудов западных ученых. Он обратился за советом к Б. А. Тураеву, предложив ему выдать книгу Штайнера или Дж. Г. Брестеда. Б. А., вообще не горевший энтузиазмом по поводу самой идеи переводов (они «завалили наш книжный рынок и не дают места оригинальным работам»), счел более полезным перевод последнего.⁶⁰ Уже в 1915 г. двухтомная «История Египта с древнейших времен до персидского завоевания» вышла в Москве в издательстве М. и С. Сабашниковых, снабженная предисловием автора к русскому изданию и посвящением В. Голенищеву.

В Египте Викентьев писал по-французски, и многие из этих работ отсутствуют в русских библиотеках...

С начала 20-х годов В. М. Викентьев начинает добиваться командировки за границу, мотивируя ее необходимостью отсутствием в Москве научной литературы и нарушением контактов. Главной его целью был «представляющий неисчерпаемый музей» Египет, где он еще не был! Но Викентьев разумно хочет основательно подготовиться к вступлению на благодатную землю, проехав сначала по основным европейским египтологическим центрам, а также посетив Америку. Как он пишет Народному Комиссару по Просвещению, — «Начать поездку с Америки меня побуждает еще и то обстоятельство, что в лице выдающегося американского египтолога, директора Восточного Музея в Чикаго, проф. Джеймса Брестеда моя работа по созданию Музея-Института встретила настолько живой интерес, что он посвятил ей специальную заметку в нью-йоркском журнале «Новая республика» (New Republic, May 22, № XXX), в которой призывает американских ученых к поддержке Музея-Института путем посылки книг и проч., причем отмечает важность его создания и изумительность (для него и вообще для американцев!) факта создания подобного учреждения в такое трудное в экономическом отношении для России время. Ряд присланных после того из Америки книг свидетельствует, что заметка не осталась без отклика».⁶¹

Поездка в Америку не состоялась, но 10 августа 1922 г. В. М. Викентьев был все-таки командирован за границу «для научных исследований, закупки иностранной литературы и упрочения связей с иностранными научными учреждениями» (мандат № 5591). Из-за очередных бюрократических проволочек он выехал только 4 ноября.⁶² В Берлин прибыл 10-го — задержали сильнейшие шторма — и пробыл там до 30 апреля 1923 г. «Краткий предварительный отчет по командировке» за 1923 г. дает следующие сведения:

1. ежедневно работал в ориенталистических и этнографических музеях [...], как по изучению памятников, так и по ознакомлению с новейшей литературой.

2. Принимал участие в съезде германских ориенталистов 6 апреля 1923 г.

3. Завязал и поддерживал постоянное научное общение с выдающимися германскими ориенталистами [Эрман, Шефер, Борхардт, Грапов, Кюнель, Андре и т. д.].

4. Осмотрел первое после Берлинского египетское собрание в г. Гильдесгейме и интересное собрание при Университете в Лейпциге.

5. Написал предварительное сообщение об открытии гробницы Тутанхамона (напечатанное в журнале «Новый Восток» № 3).

6. Собрал путем покупок, пожертвований и при содействии покупочной комиссии Н.К.П. в Берлине новейшую литературу по Востоку. Половина собранного материала мною уже отослана.

7. Был занят фотографическим оборудованием предстоящей мне, как завершение моей командировки, поездки в Египет.

⁵⁹ Ф. 4, оп. I, д. 13, л. 21.

⁶⁰ Ф. 36, оп. I, д. 399.

⁶¹ Ф. 4, оп. I, д. 82, л. 2–3.

⁶² Ф. 4, оп. I, д. 12, л. 5 об.; д. 13, л. 18.

8. Вел по просьбе Директора германского Института в Каире, проф. Борхардта, переписку с Москвой и переговоры с Комиссией Гринберга в Берлине относительно предоставления ему для изучения египетского математического папируса из собрания Музея Изыщных искусств в Москве.

9. Обнаружил нахождение в Берлине ценных египетских папирусов, присланных еще до войны покойным проф. Б. А. Тураевым для монтировки и с тех пор там позабытых. Поднял вопрос через Комиссию Гринберга в Н.К.П. и послал сообщение Директору Музея Изыщных Искусств (также как и мое письмо осталось без ответа). Между тем, Ибшер, у которого находятся папирусы, имеет очень заманчивые предложения продать папирусы из Англии и Америки и можно опасаться, что в конце концов он на это пойдет. Позволяю еще раз себе обратить на это внимание. Работы по монтировке оцениваются Ибигером в одну тысячу (1000) марок золотом.

30 апреля ввиду плохого состояния моих легких (перибронхита и катара) я принужден был уехать на берег моря, в Италию. Но уже 1 июня, пользуясь некоторым улучшением моего здоровья, я поехал в Париж, где работал в Лувре в течение полутора месяцев. В Париже я встретил такое же внимательное отношение к моей научной работе, как и в Берлине.

Этим заканчивается подготовительная стадия моей командировки, основное задание которой — поездка и работа в Египте. Интерес и важность этой последней особенно усиливается теперь благодаря беспримерному в своем роде открытию гробницы Тутанхамона, начатого прошлой зимой и имеющего быть законченным и притом в основной своей части — осенью и зимой 1923–1924 гг.

Свое краткое предварительное сообщение я счастлив закончить известием о том, что мои настойчивые старания получить египетскую визу наконец увенчались успехом. Я хочу надеяться, что финансовые затруднения, последнее препятствие на моем пути, будет мною тоже преодолено.

В. Викентьев.

7 сентября 1923 года. Франция.⁶³

20 ноября 1923 г. он приехал в Каир. Изучал памятники Булакского музея, работал «на натуре» в Гизе.

Как показывают письма В. М. Викентьева, его заботы о пополнении библиотеки МИКВ⁶⁴ и Предварительный Отчет о командировке от 7 сентября 1923 г., у него не было планов остаться там навсегда. В его отсутствие «наверху» решили, что следует объединить древневосточные коллекции под крышей Музея Изыщных Искусств и заведующим нового Отдела сделать В. М. Викентьева⁶⁵. Думается, эта «перестройка» была несправедлива по отношению к Тамаре Николаевне Бороздиной-Козьминой, последней и любимой ученице Б. А. Тураева, работавшей в Музее почти со дня его открытия. После смерти Учителя она была назначена «и. о. зав. Египетским подотделом» и практически хранила Голенищевскую коллекцию до лета 1931 г., когда уволилась по болезни (история ее работы за эти последние 11 лет в Музее и обстоятельства ухода оставляют очень грустное впечатление⁶⁶).

Главнаука проявляет заботу о правах нового зава: согласно выписке из протокола № 47 заседания Президиума Отдела по делам музеев от 1 марта 1924 г. Музею Изыщных Искусств предложено «впредь до возвращения из Египта В. М. Викентьева хранить имущество

⁶³ Ф. 4, оп. I, д. 13, л. 18–20.

⁶⁴ Ф. 36, оп. I, д. 6; Ф.4, оп. I, д. 10, л. 5; д. 13, л. 14: библиографический указатель, 38 брошюр и 36 книг.

⁶⁵ Ф. 4, оп. I, д. 75, л. 5, 9.

⁶⁶ Ф. 5, оп. IV, д. 142, л. 7, 71, 73, 99. Как потомственная дворянка, Т. Н. Бороздина могла быть обвинена во вредительстве и репрессирована — хорошо, хоть этого не произошло. О Тамаре Николаевне см.: С. Д. Милибанд. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд. М., 1995. С. 572; Памяти Т. Н. Бороздиной // ВДИ, 1959, № 4. С. 159–160; О. В. Томашевич. Т. Н. Бороздина-Козьмина — ученица и наследница дела Б. А. Тураева в Музее Изыщных Искусств // Отдел Востока ГМИИ. Памятники и люди. М, 2003.

Музея-Института Классического Востока в особом помещении»⁶⁷. Акты о передаче коллекций МИКВ показывают, что Викентьев успешно использовал дар художественного слова при составлении проектов и отчетов, а зафиксированная актами реальность значительно печальнее⁶⁸.

В заявлении на имя Зав. Главнаукой Наркомпроса, посланном из Каира 17 марта 1924 г., В. М. Викентьев пишет:

«В письме от 24 февраля с.г. мой заместитель [В. И. Авдиев — О. Т.] в качестве заведующего Музеем-Институтом Классического Востока извещает меня, что Главнаукой постановлено:

1) перевести коллекцию вверенного мне Музея в Музей Изыщных Искусств, объединив ее с имеющимися там тождественными коллекциями, наименовав объединенное собрание древностей «Восточным отделом» М.И.И.

2) назначить меня заведующим названного отдела и членом Ученого Совета М.И.И.

Прошу официального раз'яснения по этому поводу.

В случае, если таковое постановление сделано и проведено в исполнение, прошу известить меня официально, требуется ли мой немедленный приезд для вступления в исполнение обязанностей или мне разрешается продолжать мои научные работы здесь, в Египте.

В том и другом случае, прошу принять к сведению, что мои работы здесь исполнены больших лишений и трудностей. Мне приходилось и приходится все время завоевывать уроками древнеегипетского языка самое право на изучение древнеегипетской культуры. И каждый последовательный шаг мой вперед к познанию великой колыбели человеческого духа, искусства и государственности подобен высеканию ступеней в неприступной скале.

Будет ли сочтено нужным, чтобы я немедленно вернулся, или будет найдено возможным предоставить мне довести до конца мою научную командировку, я надеюсь Главнаука вспомнит, что и то и другое совершается в ключе государственного задания и ассигнует необходимые средства.

Я подорвал свое здоровье и получил туберкулез легких работая в исключительно трудных условиях 1918–1922 гг. над созданием Музея-Института классического Востока. Теперь я изнемогаю здесь, работая над развитием деятельности и пополнением материалов названного Музея — без всяких средств к жизни.

В случае постановления о немедленном моем возвращении в Москву и ассигновании средств, достаточных для переезда, я надеюсь, Главнаука озаботится предоставлением мне помещения, самое лучшее в стенах самого Музея, где бы я мог работать и жить, не ухудшая состояния моих легких.

Для выезда отсюда и переезда в Москву мне требуется 50 фунтов. Для проживания и работы в Египте, принимая во внимание передвижение, требуется минимально 30 фунтов в месяц.

В. Викентьев

Каир, 17 марта 1924 г.

Резолюции: в Музейный отдел на заключение. Сообщить В. М. Викентьеву, что немедленной необходимости в приезде нет. Отправить Викентьеву 50 фунтов.

(подпись неразборчива).⁶⁹

Из этого заявления ясно, что Викентьев собирается возвращаться, завершив работу в Каире. Голубое египетское небо не давало ему «безоблачного» существования — он остро

⁶⁷ Ф. 4, оп. I, д. 75, л. 7.

⁶⁸ Ф. 4, оп. I, д. 75, л. 12: в этом Акте о приеме памятников МИКВ в ГМИИ говорится о несовпадении их количества с названным в краткой инвентарной описи, о плохом состоянии предметов и отсутствии их подробной описи. Впрочем, документация древностей, поступавших в МИКВ в революционные годы также часто была неудовлетворительна (Ф. 4, оп. I, д. 70, л. 7, 9).

⁶⁹ Ф.36, оп.6, д. 6 = ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп.3, д. 182, л. 82.

нуждался в деньгах. В открытке 1923 г. В. И. Авдиеву он признавался: «Мне живется здесь очень круто, но я мужественно пробиваюсь вперед к светлому Ра».⁷⁰

Мысль о возвращении на родину не покидает В. М. Викентьева. 12 августа 1924 г. в письме из Монако он обращается к директору Музея Изыщных Искусств с просьбой о помощи в предоставлении ему визы и денег на обратный билет в Москву, а также жилья при Музее. Администрация откликается запросом в Музейный отдел Главнауки.⁷¹ Видимо, решение не последовало и очень скоро — 9 сентября — Викентьев вновь напоминает о себе, прося походатайствовать о визе, и бумажки направляются по инстанциям.⁷² 10 октября Викентьев возвращается в Каир, решив в ожидании визы и денег продолжить свои научные занятия, опять пишет в Москву, и директор Музея Н. И. Романов отправляет запросы в Главнауку⁷³. Результат этой переписки неизвестен, но похоже, визы Викентьев так и не получил. В 1925 г. он шлет в дар Музею книги и обращается к директору с просьбой прислать фотографии математического папируса В. С. Голенищеву и копию какого-то папируса Б. Ганну, замечая при этом, что последний «является одним из крупнейших современных филологов, и его новейший труд *Studies in Egyptian Syntax*, вероятно, имеется в Музейной библиотеке».⁷⁴

Жребий был брошен 17 января 1926 г.: В. М. Викентьев пишет Н. И. Романову о своем намерении остаться в Каире:

Многоуважаемый Николай Ильич,

В ответ на Ваше письмо от 28.XII⁷⁵ позвольте сообщить Вам нижеследующее. Моя научная поездка в Египет — мысль о которой я лелеял долгие годы и которая была отсрочена войной и революцией — оказалась путем довольно тернистым. То, чего я думал достичь в месяцы, потребовало лет. Почву для серьезной научной работы я начинаю чувствовать у

⁷⁰ Открытка хранится в частном архиве С. С. Соловьевой. Я признательна ей за разрешение ознакомиться с ней.

⁷¹ августа 1924 г. (копия)

В Музейный отдел Главнауки

С. П. Григорову

Администрация Музея Изыщных Искусств просит Музейный отдел на основании прилагаемого письма В. М. Викентьева от 12-го августа с/г. на имя Директора Музея:

1. Уведомить В. М. Викентьева о его назначении на должность Заведующего п/отделом Египта и Отдела Классического Востока в Музее Изыщных Искусств.

2. Исходатайствовать визу на возвращение В. М. Викентьева в Москву для отправления его служебных обязанностей.

3. Выслать ему денег для возвращения в Москву (не менее 500 руб.)

4. Предоставить ему, согласно его просьбе, помещение для жилья.

Адрес Викентьева: Monaco, 6, Rue de la turbie.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое письмо.

Директор Музея

Изыщных Искусств

Ученый секретарь

(Архив ГМИИ, ф.36, оп. I, ед.хр.6, л. 1 = ЦГА РСФСР, ф.2307, оп.3, ед.хр.182, л.64)

⁷² Ф. 36, оп. I, д. 6, л. 5.

⁷³ В. М. Викентьев — Директору ГМИИ

12 октября 1924 г.

Каир

Г. Директору Музея Изыщных Искусств в Москве

Имею честь довести до Вашего сведения, что в ожидании ответа на посланные мною Вам запросы и получения денег и визы для возвращения в Россию, я прибыл 10-го октября сего в Каир для продолжения моих научных работ по египтологии.

С совершенным уважением,

В. Викентьев

(Архив ГМИИ, ф. 36, оп.1, ед. хр. 6, л.3)

Запрос Н. И. Романова и дополнение к нему: ф. 36, оп. I, д. 6, л. 2, 4.

⁷⁴ Ф. 36, оп. I, д. 36, л. 10.

⁷⁵ Викентьеву понадобился целый год, чтобы окончательно решиться эмигрировать!

себя под ногами только теперь: внешне — благодаря тому, что я приглашен читать лекции в Каирском Университете, внутренне — благодаря моей работе здесь и двухлетнему общению с несравненным знатоком древнеегипетского языка, Вл. Сем. Голенищевым. Я занят в Египте официально шесть месяцев. Другие шесть месяцев я мог бы, при обычных условиях, отдавать Музею Изыщных Искусств в Москве. Может быть, и теперь это возможно в теории. На практике, боюсь, одна из двух дверей могла бы для меня захлопнуться навсегда. Пока я принял на себя здесь обязательства и должен их выполнить. Я считаю, с другой стороны, что Музей, вверенный Вашему управлению, имеет полное основание подумать о замещении должности Заведующего Отделом Классического Востока постоянным лицом. Ни о каких присылках денег мне не может быть и речи. Я и без того считаю себя должником Музея и буду рад при первой возможности исполнить для него совершенно безвозмездно научную работу.

С совершенным уважением, В. Викентьев.⁷⁶

С В. С. Голенищевым он познакомился в Петербурге в 1915 г., т. е. накануне его отъезда за границу. С 1917 г. до своей смерти в 1947 г. Владимир Семенович являлся профессором Каирского Университета, где основал кафедру египтологии. Приехав в Каир, Викентьев возобновляет это знакомство. В письме Н. И. Романову от 30 мая 1924 г. он сообщал:

«Я встретил полное научное содействие со стороны нашего великого египтолога-лингвиста Вл. Сем. Голенищева, причисленного к Каирскому Музею. Я прослушал и целиком зафиксировал курс египетского языка, впервые прочтенный им в эту зиму в здешнем университете и представляющий собою изложение совершенно самостоятельно построенной египетской грамматики, существенно отличающейся в некоторых пунктах от грамматики Эрмана».⁷⁷

Проживший большую часть жизни вне России, женатый на француженке, Голенищев оставался, я бы сказала, отчаянно русским человеком (особенно ярко об этом свидетельствует его переписка с Б. А. Тураевым). Он не мог не помочь соотечественнику и коллеге, оказавшемуся в затруднительной финансовой ситуации, найти достойную работу. С 1924 г. Викентьев читал курс египетской филологии в Институте археологии, позднее одновременно в Эколь Нормаль, затем на факультете словесности в Заафаране и Гизе⁷⁸. По воспоминаниям его каирских студентов (среди них — бывший и сегодняшний генеральные секретари Египетской Службы древностей), он был замечательным учителем.

Сфера его научных интересов прежде всего сосредотачивалась на вопросах литературы. Дар художественного слова помогал ему в научной работе, что заметно по его единственной значительной русской египтологической публикации — переводу «Сказки о двух братьях». Неполный список его работ, вышедших в основном в ASAE и BIFAO, а также в каирских университетских изданиях, насчитывает 47 наименований.⁷⁹ Большинство их посвящены проблеме сравнительного изучения фольклора и литературы, публикации архаических египетских памятников, обзорам археологических раскопок.

⁷⁶ Ф. 36, оп. I, д. 6, л. 13. Н. И. Романов сообщает в Отдел Музеев Главнауки 8 февраля 1926 г.:

«Представляя при сем копию письма В. М. Викентьева, полученного мною в ответ на мое предложение послать заявление о желании возвратиться в Москву для исполнения своих служебных обязанностей в качестве заведующего Отделом Древнего Египта в Музее Изыщных Искусств, сообщаю, что по постановлению Правления Музея от 3-го февраля с.г. В.М.Викентьеву прекращена с 1-го февраля с.г. высылка его жалованья по Музею.

Правление Музея просит соответственного распоряжения Отдела об увольнении Викентьева от занимаемой должности в Москве, которая с 1-го февраля должна считаться вакантной». — Ф. 36, оп. I, д. 6, л. 14.

⁷⁷ Ф. 14, оп. III, д. 81 = Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1908–1912). М., 1987. С. 315–316, прим. х).

⁷⁸ A. Papadopoulou. Vladimir Vikentiev // La Revue du Caire. Avril 1960, № 236. С. 306–313.

⁷⁹ Там же. С. 309–312.

Изредка он присылал короткие весточки В. И. Авдиеву, своему заместителю по Музею-Институту Классического Востока, подписывая их витиеватой монограммой «W», в начале века раскритикованной его отцом.⁸⁰

В 1947 г., когда весть о кончине В. С. Голенищева в Ницце достигла Москвы, на имя Викентьева в Каирский университет была направлена телеграмма с соболезнованиями, подписанная Б. Р. Виппером и В. В. Павловым⁸¹. Викентьеву понадобилось 3 года, чтобы «решиться» откликнуться на это печальное событие некрологом с обзором научных трудов первого русского египтолога и трогательными воспоминаниями о первой встрече с ним в 1915 г. в Эрмитаже.⁸² Безусловно, для него смерть Голенищева была страшным ударом.

Каирский период жизни Викентьева требует новых архивных поисков — в Египте. Похоже, как и большинство русских эмигрантов послереволюционной эпохи, жил он довольно замкнуто. 8 февраля 1960 г. профессор Каирского университета Владимир Михайлович Викентьев скончался в Египте, ставшем его второй родиной. Он был похоронен на старом греческом кладбище в русской часовне.⁸³ Я думаю, мы должны быть благодарны тому «богу неведомому», который «увел» его на чужбину. Если бы в 1926 г. он вернулся, вряд ли ему довелось бы спокойно прожить в России те отведенные «египетской судьбой» 77 лет. Маловероятно, что один из основателей Антропософического общества не привлек бы внимания властей, и вряд ли это внимание было бы благожелательным...

В. М. Викентьев прожил достойную ученого жизнь. Постепенно его имя вернется в историю русской египтологии.

⁸⁰ Об этой переписке см. статью С. С. Соловьевой в сб. Древний Египет: язык-культура-сознание. М., 1999.

⁸¹ Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств. С. 316.

⁸² Там же. С. 272–273.

⁸³ Табличка с именем В. М. Викентьева на стенах заброшенной русской часовни (как и гробница О. И. Волкова, сына любимого ученика Б. А. Тураева) была найдена журналистом В. В. Беляковым, посвятившим книгу русской эмиграции в Каире. Благодаря его же усилиям, часовня была отреставрирована. В апреле 1997 г. В. В. Беляков любезно показал нам — членам Российской археологической экспедиции в Гизе (Э. Е. Кормышева, М. А. Чегодаев и я) эти гробницы, за что мы ему очень благодарны.